

Пролог

И опять ей приснился кошмарный сон. Сердце отчаянно колотится, кожа покрывается пóтом. Тело кажется тяжелым и безжизненным, никак не вырваться из удушливых объятий сна... Но вот она все же разрывает его путы и просыпается с испуганным возгласом.

И тут же ей кажется, что она попала куда-то не туда. Чего-то не хватает — нет того облегчения, когда глаза видят свет, вещи в комнате. Полная тьма. Никаких контуров или теней. Запах земли и плесени; сквозняк, как из открытого окна.

С телом что-то не так. Затылок и веки свинцово тяжелые. Тошнота, головокружение. Мозг отказывается работать, не может собрать все воедино. С каждым вдохом грудь сдавливает от смутного страха, но это ощущение проскальзывает, ни за что не зацепившись. Во рту сухо, глаза словно засыпаны песком. В памяти пустота. Некоторое время она борется с этой пустотой, потом возникают образы. Кровать в квартире. Вино, вялость. Рука, лежащая ей на лоб. «Расслабься!» Потом комната поблекла, исчезла. Много времени спустя — краткий миг просветления. Покачивание, крики чаек. Быстрый взгляд вверх — и она видит туман, повсюду туман. Укол в бедро — и все снова погружается в темноту.

Внутри все обрывается. Осознание. Она не хочет впускать эти мысли. Не хочет понимать, что произошло. Од-

нако понимает. Где-то в глубине души она всегда боялась, что ее везут именно туда.

Поток света, устремившийся в комнату, когда открылась дверь, пробуждает слабую надежду, — но тут она слышит хорошо знакомые шаги. В воздухе повисает запах его одеколона. От его близости все тело начинает дико чесаться. Возникает импульсивное желание вскочить и бежать — настолько сильное, что замирает дыхание. Но тут что-то до боли сдавливает грудь. Дыхание затрудняется, вся сила утекает из мышц. Сердце бьется тревожно и неровно. Перед глазами начинают плясать черные точки.

Его голос звучит спокойно и доброжелательно:

— Добро пожаловать! Ты вернулась.

У него за спиной с громким стуком захлопывается дверь.

София испускает звериный вопль. Крик рождается, как щекотание в небе, поднимается из легких, водопадом хлещет из горла и достигает такого крещендо, что закладывает уши.

Потом становится тихо — теперь в темноте только он и она.

Записки. Следственный изолятор, Гётеборг

Из пепла ты восстал, пеплом снова обернешься.

Птица феникс сжигает себя на костре, из которого возрождается новая птица, моложе и сильнее прежней. Она живет пятьсот лет, а затем уничтожает сама себя в величественном ритуале. И возвращается в еще более могущественном обличье.

Парит высоко в воздухе.

Озирает острым взглядом убогий ландшафт земли.

Своей ослепляющей красотой она пробуждает страсть и бесконечное вдохновение.

Как птица феникс, сумею я возродиться, и возродится то, во что я верю.

Все, к чему стремится человек, есть здесь, во мне.

Толстые бетонные стены, запах дезинфекции, грязные углы и дохлые мухи в плафонах вокруг ламп.

Все это меня не затрагивает. Лишь заставляет меня увидеть возможности, которые не снились мне в самых мрачных кошмарах.

Я могу переноситься во времени и пространстве над этой убогой лачугой и озирать все свысока.

Этот краткий миг заточения — всего лишь один удар в бесконечном пульсе вечности.

Всего несколько месяцев — и я вернусь, сильнее и могущественнее прежнего.

Я уже тоскую по ней.

По едва уловимому запаху духов от ее кожи. По завиткам волос, которые выбивались из косы и спускались на ее белый затылок.

Мягкий абрис ее лица.

Как у нее дрожали уголки губ, когда она выходила из равновесия. Грозные тучи, порой мелькавшие в ее глазах.

Зевки, которые ей не удавалось подавить. И то, как забавно она произносила: «Да, сэр!» — совершенно неискренне.

Вся эта дерзость, которую мне не удалось усмирить.

Я всегда славился как мастер деталей, и те детали, из которых состоял ее целостный образ, выглядели неотразимо. Она была так очаровательно бесхитростна...

Я чувствую, как сердце начинает стучать сильнее, когда я думаю о ней.

Во мне живет также гудящий гнев, с которым я не могу справиться. Но когда мне это удастся, я спроецирую на нее всю собранную силу. Я погружаюсь в эту мысль и какое-то время нахожусь в очень темном месте.

Словно я оказался в тени чего-то зловещего.

Но потом думаю о будущем, которое простирается, как паутина, вся в блестящих капельках росы на утреннем солнце.

И вот я слышу шаги. Высокие каблуки, стучащие по бетонному полу. Шаги приближаются.

Я знаю, кто это.

*Другое эфемерное существо, которое промелькнет
в моей бесконечной жизни.*

Анна-Мария Каллини.

О, Анна-Мария, ты себе даже представить не можешь, какие у меня на тебя планы...

Скоро ты появишься в дверях. И я улыбнусь тебе своей самой очаровательной улыбкой.

Представление начинается!

1

Анна-Мария Каллини разложила вещи на оттоманке, ровно и аккуратно. Сверху блузка, ниже юбка. На блузке лифчик, на юбке трусики, чулки стей-ап¹ расправлены по всей длине. Она достала туфли, повесила на вешалку пиджак. Поставила на стол сумочку. Некоторое время придирчиво озирала все это. Узкая прямая юбка серо-стального цвета от «Армани», белая блузка, серый пиджак от «Прада» и красная сумочка от «Луи Виттон». Туфли от «Маноло Бланик» со стальными каблуками. Во время последней поездки в Нью-Йорк на все это было потрачено не меньше пяти тысяч долларов. Однако сейчас при виде всей этой одежды Анна-Мария почему-то чувствовала себя дешево. Словно он в состоянии видеть ее насквозь сквозь этот дорогостоящий фасад. Что ж, по крайней мере, она подготовилась к завтрашнему дню... Ощущение стресса улетучилось.

Откинув с кровати покрывало, Анна-Мария залезла под одеяло и со вздохом легла на спину. Если б только она могла заснуть! Ей необходимо выспаться, чтобы завтра хорошо выглядеть. Она поставила будильник, еще раз убедилась, что сигнал включен, и погасила свет. Ей хотелось, чтобы ночь поскорее прошла... снова увидеть его. Некоторое время ей пришлось бороться со своим нетер-

¹ Вид компрессионных чулок.

пением, прежде чем удалось расслабиться. Потом Анна-Мария унеслась мыслями в тот день, когда они впервые встретились. Задержалась там, как обычно... По коже забегали мурашки, внизу живота запульсировало. Она запустила палец в трусики и удовлетворила сама себя, но даже это не помогло.

* * *

В их первую встречу Анна-Мария села в лужу — ее трясло, колени подкашивались... Однако больше такое не повторится. Это произошло до того, как она смогла хоть как-то закрепиться перед натиском шторма по имени Франц Освальд, ворвавшегося в ее жизнь. Однако ее не покидало чувство, что с ней что-то происходит. В голове настойчиво зудел какой-то голос. Стальная женщина, никогда не отступавшая ни на миллиметр в зале суда, строго отчитывала жалкую курицу, в которую Анна-Мария превращалась перед Освальдом.

Все началось еще раньше, когда Анна-Мария читала материалы дела и увидела среди бумаг его фотографию. Какой взгляд! Конечно, она и раньше видела его портреты в газетах — фотографии Освальда красовались на витринах каждого газетного киоска. Но теперь, когда ей выпало представлять его интересы, он стал гораздо ближе.

Еще до первой встречи ее тянуло к нему как магнитом. Это продолжалось в машине по дороге в изолятор: головная боль, не проходившая от постоянного напряжения, словно предупреждающий о чем-то шепот на периферии сознания...

Едва она открыла дверь в помещение для встреч в изоляторе, из ее легких словно разом выкачали весь воздух. Освальд сидел, вытянув перед собой длинные ноги. Темные волосы рассыпаны по плечам, отчего он выглядел

совершенно бесподобно. В воздухе разлился аромат его одеколона, подавляя запах моющего средства, поднимавшийся от пола.

Анна-Мария сделала пару шагов вперед. Ощутила внезапную слабость и взялась рукой за спинку стула. А затем последовал момент, который она могла вспоминать до бесконечности, — ткань футболки натянулась на его широких плечах, когда он поднялся. Ее взгляд задержался на его роскошном торсе — и никак не мог оторваться от него. Она чувствовала себя в полной растерянности, в то время как в голове пронеслась неприятная мысль. Что-то о профессионализме и необходимости соблюдать дистанцию в отношении клиента.

Когда она села, он все ей объяснил: как они совершат это путешествие вместе. Процесс, срок в тюрьме, если таковой вообще будет, — а потом встретятся в более интимной обстановке. Это он пообещал. И еще астрономическая сумма вознаграждения, которую Освальд небрежно упомянул мимоходом. От этой суммы у нее чуть не остановилось сердце. Она никак не могла сосредоточиться. В ушах шумело, в подмышках выступил пот, во рту пересохло.

— Всё в порядке? — встревоженно спросил он.

— Да-да, просто... Вероятно, я немного простудилась.

— Не думаю.

— Что, простите?

— С тобой произошло нечто другое.

— Не понимаю.

— Думаю, ты все прекрасно понимаешь. То, что чувствуешь сейчас, ты не сможешь испытать ни с кем другим.

Освальд отвел взгляд, глядя на пыльную тюремную стену. Казалось, видно, как у него в голове вращаются шестеренки. Ей нравилось, когда он становился таким — словно на него вот-вот снизойдет озарение и он решит все проблемы мира.

— Ну, если мы объединим наши головы, то наверняка справимся с этим делом, — выдавила из себя Анна-Мария.

— Или получится короткое замыкание... — Он схватил ее за руку. — Да нет, я просто шучу. Конечно, все будет хорошо.

Рука у него была горячая и сухая. Длинные пальцы. Большой палец щекотал ей ладонь, словно бабочка.

Усилием воли Анна-Мария заставила себя сосредоточиться, начала рассказывать, как планирует повести дело, прижать эту Софию Бауман и доказать, что она — ненадежный свидетель.

Но Освальд только снисходительно улыбнулся.

— Этого мы делать не будем.

— Но почему?

— Ты когда-нибудь видела, Анна-Мария, как действует паук в своей сети?

Она в замешательстве покачала головой.

— А вот как: сначала он дает мухам и прочей мошкаре запутаться в паутине. Поначалу можно подумать, что они умерли. Но они, понимаешь ли, просто усыплены. Потом одна из них шевелится. Тянет за нитку. И паук, который сидит в самом верху паутины, спешит туда. Можно подумать, что он съест муху, но нет. Он снова ее усыпляет. Парализует. Потому что только паук решает, кого и когда ему съесть. В его паутине все происходит на его условиях. Понятно?

Она кивнула, не желая показаться ему глупой.

— Некоторые самки пауков позволяют своим отпрыскам пожирать их, чтобы повысить шансы выживания рода. Вот это настоящая самоотверженность! Не то что глупые гусыни в «Виа Терра», — добавил Освальд и рассмеялся.

От того, что он предложил, колени у Анна-Марии задрожали под уродливым металлическим столом.

В последние несколько лет она не тратила свою энергию на отношения. Мужчины в роскошных костюмах по большей части оказывались неудачниками. Многословные идиоты, у которых едва встает. Но Франц Освальд не такой. Это человек, у которого есть план.

Дьявольский план.

2

Франц Освальд уже сидел в зале суда со своим адвокатом, когда вошла София. Настал момент, которого она более всего опасалась. Пол ушел у нее из-под ног. В животе все перевернулось, однако ей удалось побороть тошноту.

Сделать глубокий вдох.

Теперь страх наваливался реже, но когда это происходило, ей казалось, что ее ударили под ребра. Она подняла голову и встретилась с ним глазами. Воспоминания нахлынули так сильно, что ей оказалось трудно справиться с этим потоком. Она обнаружила, что он внушает ей то же отвращение, что и раньше, но его глаза не горели ненавистью — это ее обезоружило. Освальд первым отвел взгляд, дав ей необходимую передышку, чтобы, едва влоча ноги, подойти к своему месту и сесть.

Облегчение накатило волной, когда она уже сидела на своем стуле, а потом подступил гнев. «Черт его подери. Сила на моей стороне».

Истцами на суде выступали Эльвира и София. Такие разные. Эльвира, которая прошла через всю подготовку к процессу в слезах, льющихся ручьями, и София, вытеснившая все чувства, стиснув зубы с горьким упрямством, ожидавшая того момента, когда все будет позади.

В зале суда яблоку негде было упасть. СМИ жадно вцепились в громкое дело, на время отодвинувшее

на второй план все прочие новости — политику, войны и катастрофы. Все статьи сопровождалась изображениями Освальда с суровым лицом и пристальным взглядом. Создавались блоги, форумы и сайты за него и против. Не проходило дня, чтобы об этом деле не упоминали в новостях. Поначалу репортеры кружили, словно гиены, вокруг дома ее родителей, в надежде, что она расскажет какую-нибудь пикантную подробность об Освальде. Хотя София последовательно избегала их, в СМИ ее называли «фанатичкой из секты» и «женщиной Освальда». А также «отважной» — наверняка не меньше сотни раз, это прилагательное СМИ обожают. Она отказывалась давать интервью. Пока рано выступать публично.

София бросила взгляд на Освальда, который сидел и шептался со своим адвокатом, Анной-Марией Каллини. Эта женщина не обладала классической красотой — черты лица слишком острые, нос великоват. Но ее наряд подчеркивал стройность фигуры, а макияж — большие темные глаза. Сексапильна и крута до чертиков. Ее взгляд скользил по залу, останавливаясь то на одном, то на другом лице, что придавало ей сходство с хищницей. Голос у этого стройного существа оказался хриплым и сочным. Когда ей давали слово, говорила она безостановочно. Невозможно было игнорировать ее всепроникающий голос.

Они сидели совсем близко друг к другу, она и Освальд. Его рука небрежно лежала на спинке ее стула. То и дело он наклонялся к ней и шептал что-то ей на ухо, а она улыбалась кривой неестественной улыбкой.

Когда настал момент Софии давать показания, она сосредоточила все внимание на лице прокурора Гунхильд Стрёмберг, мысленно отбросив все окружение. Это работало; голос повиновался ей, даже во время перекрестного допроса Анны-Марии Каллини.